

С. Н. Гладышева

СУДЬБА РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

В этом году исполняется 70 лет со дня смерти выдающегося писателя, поэта, публициста, общественного деятеля Дмитрия Сергеевича Мережковского, творчество которого в нашей стране недостаточно изучено и оценено. А мысли, высказанные Мережковским, остаются чрезвычайно актуальными и в наши дни.

Не принявший советскую власть, Д. С. Мережковский эмигрировал из России в конце 1919 года. К тому моменту он имел за плечами солидный литературный багаж и славу: в дореволюционной России были изданы собрания его сочинений в 17 и 24 томах, его романы были переведены на основные европейские языки. С именем Мережковского неразрывно связана судьба русского символизма. Он был одним из организаторов Религиозно-философских собраний начала XX века, идейным вдохновителем журнала «Новый путь», активным публицистом.

Эмиграция из большевистской России — закономерное для Мережковского явление, который еще в статье 1908 года «Красная шапочка», полемизируя с П. Б. Струве, заявлял: «Я люблю свободу больше, чем родину, ведь у рабов нет родины, и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским...» (Мережковский Д. С. Избранное: Роман, стихотворения, эссе, исследования. Кишинев, 1989. С. 434). Эмигрантский путь Мережковского пролегал из Петрограда через Минск, Варшаву — в Париж, общепризнанную столицу русского зарубежья.

Дмитрий Сергеевич стал знаковой фигурой в литературной, культурной и общественно-политической жизни «России № 2», этого уникального государства без границ. Здесь продолжается его напряженная литературная деятельность: написаны исторические и философские романы («Рождение богов: Тутанхамон на Крите», «Мессия»), трилогия о путях спасения человечества («Тайна трех: Египет

и Вавилон», «Тайна Запада: Атлантида — Европа», «Иисус Неизвестный»), два биографических романа («Наполеон», «Данте») и другие произведения. Он постоянно выступал с многочисленными лекциями. В 1926 году Мережковский вместе с Гиппиус организовал в Париже литературно-философское общество «Зеленая лампа», участвовал в I съезде русских писателей-эмигрантов, в 1920 годы он неоднократно упоминался как один из наиболее вероятных претендентов на Нобелевскую премию.

Все 20 лет эмиграции Мережковский, как и большинство писателей русского зарубежья, активно занимался публицистической работой. К сожалению, эта весомая часть его творческого наследия пока изучена недостаточно. Следует отметить, что судьба России как ключевая проблема русской публицистики, неизменно находилась в центре религиозно-философских публикаций Мережковского. В период эмиграции тема исторического пути родины, ее прошлого, настоящего и будущего получила особое звучание в его публицистических произведениях. Абсолютное неприятие большевистского режима, заявленное ранее в петроградских газетах, еще не запрещенных новой властью, последовательно демонстрируется в статьях, эссе, открытых письмах Мережковского, опубликованных на страницах периодики русского зарубежья («Свобода», «Последние новости», «Общее дело», «Руль», «Новая русская жизнь», «Современные записки», «Возрождение», «Новый корабль», «Звено», «Сегодня», «Меч»).

Большевизм для Мережковского — «Царство Антихриста» (именно так он назвал свою программную статью, опубликованную в газете «Общее дело» (Париж) в 1921 году), «воплощение Зла Абсолютного — Дьявола» (Мережковский Д. С. Царство Антихриста. СПб., 2001. С. 9. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием страницы), «религия дьявола» (С. 27). Представители новой власти — «сыны дьявола, лжецы и человекоубийцы от начала» (С. 9), марсиане из «Борьбы миров» Уэллса, «существа иного мира, их тела — не наши, их души — не наши. Они чужды нам, земнородным, неземною, трансцендентною чуждостью» (С. 132—133), он относится к ним, как к палачам России. «Красное знамя в руках большевиков сделалось знаменем свободоубийства, братоубийства» (С. 117), — утверждает он в статье «Савинков и Врангель». «Пока жив большевизм, свобода мертва» (С. 10), — неустанно повторяет он в публицистических выступлениях периода эмиграции.

Мережковский разоблачает большевизм в политическом плане, срывая с него революционную личину. Приход к власти большевиков он называет Октябрьской контрреволюцией. По его мнению, новая власть лишь заменила самодержавие хамодержавием, осуществив пришествие Грядущего Хама (которое публицист предрекал в одноименной статье 1905 года), по сути, восстановив и укрепив деспотизм. «Русская революция опрокинула самодержавие, но не разрушила. Самодержавие царя — пирамида острием вверх: один порабощает всех. Самодержавие народа — также пирамида, острием вниз: один порабощается всеми. Но сила гнета, тяжесть рабства в обоих случаях одинакова» (С. 59), — отмечает он в «Записной книжке», опубликованной в газете «Свобода» в 1920 г.

Публицист не считает большевизм революционным движением, для него это «величайшая реакция, которую можно себе вообразить, — разрушение культуры и упразднение свободы и принципа личности» (С. 35). Отметим, что в своих статьях Мережковский четко разводит два понятия — большевизм и социализм. По его мнению, новая власть в России «только прикрывается знаменем социализма... позорит святые для многих идеалы социализма» (С. 38). Мережковский показывает, что все в большевизме основывается на тотальном извращении понятий, на лжи и насилии: провозглашенные на словах «мир, хлеб, свобода» на деле означают «война, голод, рабство». Он считает, что «впервые на земле

явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловеческое, дьявольское» (С. 10).

Мережковский уверен, что борьба с этим абсолютным злом должна быть упорной и бескомпромиссной; какие-либо надежды на перерождение или эволюцию советской власти в благоприятном направлении лишены всяких оснований. Своим максимализмом Мережковский противостоит в данном отношении любым попыткам внести коррективы в дело исполнения главной задачи — а по сути духовной миссии — и руководствоваться сиюминутным политическим расчетом.

В статье «Царство Антихриста. Большевики, Европа и Россия» он пишет: «“Лучше большевики, чем то или это”, — говорите вы, а мы говорим: “Лучше все, чем большевики”. Для их свержения вы готовы жертвовать тем или этим, а мы всем. С тем или этим вы у них соглашаетесь; а мы — ни с чем. Вы — мирящиеся; мы непримиримые» (С. 7).

Исторический путь родины Мережковский представляет в созданной им «теории трех России»: «Россия первая — царская, рабская; Россия вторая — большевистская, хамская; Россия третья — свободная, народная» (С. 6). Он уверен, что существо третьей России должно быть религиозным. Мережковский не мыслил революции социальной без революции религиозной. Он часто размышляет о религиозном содержании революции, которая призвана «утвердить свободу со Христом — Абсолютною Личностью» (С. 28).

Публицист считает виновниками бездуховности, воцарившегося хамства в России не только большевиков. Удручает его то, что «русский народ — пусть даже не весь, а только малая часть его... оказался сообщником убийц России; что с такой внезапной легкостью предал он свою тысячелетнюю святость — христианство — и надругался над ней» (С. 493).

Отметим, что Мережковский не раз обращал внимание собратьев по перу на узость, ограниченность подходов к обсуждению происходящего на родине. В статье «Моя обманутая вера в Польшу» он утверждал, что «понять или хоть приблизиться к пониманию происходящего в его сути, уловить единую линию, можно лишь став на самую глубокую точку зрения — религиозную» (С. 177).

Противостояние христианского мира и русского коммунизма он пытается осмыслить как одну из форм вечной борьбы двух метафизических порядков бытия, отражающих борьбу двух волей, явленных в человеке, — воли к углублению и воли к обмелению, оплощению.

Плоские, двумерные люди тревожили его, начиная с «Грядущего Хама» до самой последней работы. По его мнению, «вечная борьба Плоских с Глубокими» на территории бывшей России завершилась основанием «первого на земле Царства Плоских»: «Русские коммунисты начали строить и построили то, что имеет лишь вид государства, а на самом деле есть исполинский плюшильный молот, которым все в человеке трехмерное, глубокое и высокое, уничтожается и вдавливается, вплюшивается в совершенную плоскость» (С. 490).

Публицистическому сборнику, вышедшему в Мюнхене в 1921 году, в котором участвовали также З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов и В. А. Злобин, Мережковский дал знаковое название — «Царство Антихриста». Заглавием сборника обозначена важнейшая для Мережковского религиозная и метафизическая составляющая, предопределившая тот окончательный приговор, который был вынесен им в отношении нового государственного устройства на родине. «Царство Антихриста» он распознает в большевистской России — и не только и не столько потому, что в ней повсеместно насаждался оголтелый атеизм и ниспровергались укорененные в духовной культуре религиозные ценности. Но прежде всего по причине восторжествовавшего в государственном масштабе глубинного антихристианского начала, попрания богочеловечества — «основного догмата христианства» — *бесочеловечеством*, отторжения принципа свободы и «абсолютной меры человеческой личности», в которой явлена «Личность Божественная, Абсолютная Личность — Христос». И в этом большевики, по мнению Мережковского, сливаются воедино со своими внешними антагонистами, «буржуями»: соглашаются «в главном — в отрицании Христа — Абсолютной Личности, т. е. в ниспровержении того, на чем построена вся восходящая лестница культурных ценностей», в утверждении «воли к небытию», «воли к Антихристу». «Тайнозрительными» метафизическими постулатами Мережковский поверяет текущую историческую действительность, в которой отрицающие друг друга общественно-политические силы обнаруживают под заданным углом зрения свою единую природу. Он выстраивает логичную смысловую цепочку: «Из метафизического согласия — политическое „соглашательство“ — вплоть до „торговых сношений с Советской Россией“, до „признания Советской власти“ и до мира с большевиками — смертного приговора буржуа себе самому. <...> Зачем же он лезет к ним в пасть?

Д. С. Мережковский

Или хочет быть сожранным? Устал быть, хочет не быть?» (С. 23—25).

Публицист, как и многие эмигранты, в частности И. А. Бунин, настойчиво предупреждает Запад об угрозе большевизма, обращая внимание на «тихое просачивание большевистского ядра в самое сердце Европы» (С. 94). Декларируемое «невмешательство» европейских стран в происходящее с Россией он расценивает как вмешательство в русские дела, но в пользу большевиков. Неустанно Мережковский закликает христианскую Европу осознать всю глубину русской исторической трагедии, а также смертельную угрозу ее собственному существованию. В статье «Чем это кончится?» он апеллирует к опыту древней истории: «Большевизм — у ворот, как древний конь с данайцами. И никем не услышан вопль Кассандры пророчицы: “Если конь войдет, пал Илион!”. Наш вопль не услышан никем» (С. 158).

Убеждая европейцев, что, «борясь за свободу России, мы боремся и за свободу мира» (С. 246), Мережковский обращается с открытыми письмами к верховному комиссару Лиги Наций Нансену, римскому папе Пию XI,

Герберту Уэллсу, Гергарту Гауптману. В открытом письме к редактору парижской газеты «Ля Орде» Эмилю Бюре он подводил горькие итоги своей шестилетней политической деятельности. Мережковский пишет: «...я обивал все пороги, лазал на все чужие лестницы, и отовсюду вытолкнут хуже, чем бесстыдный нищий, — как последний дурак... Руки мои избиты до крови даже не о запертые двери, а о глухую стену. В вашей европейской “свободе”, в страшном бесчувствии вашем к вашей же собственной гибели я задыхался, как задыхаются люди, посаженные в чекистскую камеру с пробочными стенами» (С. 239).

Надо сказать, что пафосом противостояния «царству Антихриста» пронизаны фактически все книги писателя периода эмиграции, по содержанию своему непосредственно с актуальными событиями не связанные, но именно современностью вдохновленные и продиктованные. Погружаясь в глубины веков, Мережковский не утрачивает живой и необходимой связи с проблематикой своего времени, постоянно эту связь акцентирует. Вот цитата из заключительной части его книги «Жанна д'Арк»: «Слишком часто в политике прощается подлость, реже — глупость, но никогда подлость, соединенная с глупостью, а попытка Европы включить русскую коммунистическую партию как законное русское правительство и равноправную великую державу в систему европейского мира и есть именно такое соединение глупости с подлостью» (Мережковский Д. Лица святых от Иисуса к нам. М., 1997. С. 319).

По мнению Мережковского, святая героиня Франции, спасающая родину от поработителей в XV веке, продолжает исполнять свою миссию и в XX веке, когда весь христианский мир оказался на краю гибели.

Следует отметить, что, рассуждая о судьбе России, Мережковский неизменно имел в виду и русское зарубежье как значимую часть родины, настаивал на духовной миссии эмиграции, которая заключалась не просто в сохранении, но и развитии богатого культурного наследия России. Отвечая на многочисленные приветствия по поводу своего семидесятилетия, он заметил: «Все мы, такие разные, разнородные, идем по тому же трудному, длинному, темному-темному пути, точно подземному ходу, к одной, в самом конце его светящейся точке — в бессмертной надежде увидеть Россию. Мы, бесчисленные, по всему лицу земли рассеянные, и только этой надеждой объединенные, русские изгнанники, — как бы целый народ без земли, душа без тела, — почти та-

кое же чудо всемирной истории, как великое рассеяние народа Божия, диаспора. <...> Мы, вечное, перед лицом всего мира, исповедание бессмертной надежды на будущую свободную, счастливую, великую Россию...» (С. 440, 441).

Россия — тело без Духа, эмиграция — Дух без тела. Эта мысль звучит в публикациях Мережковского на протяжении всех лет изгнания. В статье «Наш путь в Россию» он пишет: «Тело народа — земля. Землю нашу мы потеряли и носимся в мире, как бестелесные духи, всюду проникая, проходя сквозь все и все заражая нашим русским духом — литературой, живописью, музыкой, религией. Строим наши русские твердыни, вьем наши гнезда — Гетто — в Париже, Лондоне, Берлине, Шанхае, Сан-Франциско. Русские лица сразу можно узнать в европейской толпе, как некогда можно было узнать иудейские лица в эллинском рассеянии. Мы всемирны, всечеловечны и, в то же время, замкнуты, загадочны, отдельны, особенны; мы в мире, как масло в воде» (С. 272). Публицист очень точно обозначает ту особенность русских эмигрантов, которую в свое время И. С. Тургенев определил как «вечную обвенчанность с Россией».

Видя в позиции европейских демократий по отношению к надвигающейся коммунистической угрозе лишь преступную беспечность, Мережковский был готов искать поддержку у тех сил, которые могли оправдать его надежды на решительные и бескомпромиссные шаги, направленные к свержению большевистского режима. В 1930-е годы объектом таких упований стал Муссолини: Мережковский удостоился двух аудиенций у итальянского диктатора, но в конце концов разочаровался в нем.

В своих статьях, открытых письмах Мережковский выступает противником всех форм тоталитаризма. Его философия духовной свободы как основы Царства Божия на земле («Третьего Завета») делала для него невозможным сотрудничество ни с большевизмом, ни с нацизмом. Он надеялся на взаимное уничтожение этих двух зол. В радиоречи, произнесенной после нападения Гитлера на СССР, Мережковский остался верен себе и повторил то же, что писал с 1920 года о большевизме как абсолютном зле и необходимости Крестного похода против большевизма.

Он уверен, что «большевизм никогда не изменит своей природы, как многоугольник никогда не станет кругом, хотя можно до бесконечности увеличивать число его сторон. Европейцы едва начинают это понимать, но русским объяснять этого не нужно, они достаточно больно чувствуют раны, которые им наносят

острые углы этого мнимого круга» (С. 462). Это выступление по местному радио в Биаррице, где Мережковский находился после вторжения немецкой армии во Францию, вызывало резкую критику патриотически настроенной части эмигрантов. Даже смерть Дмитрия Сергеевича в декабре 1941 года не смогла изменить негативного отношения к нему эмигрантов, вынужденных выбирать между Гитлером и Сталиным. Однако, по словам И. Одоевцевой, «Мережковский до своего последнего дня оставался лютым врагом Гитлера, ненавидя и презирая его по-прежнему» (Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С. 66).

С одной стороны, Мережковский осознал, что фашизм может стать реальной силой, способной противостоять большевизму. В то же время он видел в нем одну из составляющих надвигающейся глобальной мировой катастрофы, несущей гибель человечеству: «В нижнем этаже — пороховой погреб фашизма; в верхнем — советская лаборатория взрывчатых веществ, а в среднем — Европа, в муках родов: мир хочет родить, а рождает войну» (Мережковский Д. С. Атлантида-Европа: Тайна Запада. М., 1992. С. 15).

Следует отметить, что о нарастающей угрозе Второй мировой войны писатель предупреждал еще в 1930 году, за 9 лет до ее начала: «Нынешняя Россия — продолжающаяся первая война и готовящаяся вторая, мост между ними; по тому, как Европа укрепляет его, видно, как ее “ночная душа” тянется к войне» (Мережковский Д. С. Атлантида-Европа: Тайна Запада. М., 1992. С. 16).

В одной из последних своих статей «Тайна русской революции: Опыт социальной демонологии», написанной в 1939 году и впервые опубликованной только через 60 лет, Мережковский пророчески заметил: «Все человечество в наши дни — под ношею крестною, но на России сейчас — самый острый край креста, самый режущий. Глубина неутоленного страдания — глубина наполненной чаши. Никогда

еще не подымало человечество к Богу такой глубокой чаши, как в наши дни, и эта чаша — Россия» (С. 558).

Однако даже в тревожные дни предощущения мировой катастрофы, новой войны он с верой в свою родину и народ утверждал: «Россия гибнущая, может быть, ближе к спасению, чем народы спасающиеся, распятая — ближе к воскресению, чем ее распинающие» (С. 558).

Публицистика Мережковского демонстрирует его веру в то, что духовное начало, культура и разум, истребляемые большевиками, возвратятся в Россию. Он убежден в том, что именно повергнутая в кровь Россия духовно возродится и начнет «спасение мира», которое другие народы завершат. В статье «Наш путь в Россию» он говорит от имени всех эмигрантов: «Надо лишиться земли, чтобы полюбить ее неземною любовью. Наша неземная, бесконечная любовь к России — бесконечная сила» (С. 271).

В конце статьи «Тайна русской революции» Мережковский цитирует короткое стихотворение З. Н. Гиппиус «Знайте!», написанное еще в 1918 г. в Петрограде и абсолютно совпадающее по тональности с его мыслями:

*Она не погибнет, — знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, — верьте!
Поля ее золотые.
И мы не погибнем, — верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется, — знайте!
И близко ее воскресенье.*

«Последнее слово о Мережковском не сказано». Такой фразой завершил главу о литературном творчестве Дмитрия Сергеевича Г. Струве в книге 1956 года «Русская литература в изгнании», подчеркивая слабую изученность его наследия. Думается, последнее слово о Мережковском-публицисте будет сказано еще не скоро.

